

Рис. Ю. ГАНФА.

РОТОЗЕЙСКАЯ ИДИЛЛИЯ
ИЛИ ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

К Р О К О Д И Л

№ 10 (1336) МОСКВА 10 АПРЕЛЯ 1953

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Рис. И. СЕМЕНОВА.

ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Юрий БЛАГОВ

СОБЕСЕДНИК

Человек вошёл в пивнушку,
С полушубка стёр снежок,
Взял у стойки пива кружку
И рублёвый пирожок.
Примостился с кем-то рядом,
В синем плава дым,
И глядит тоскливым взглядом, —
Нет компании ему...
Чтоб наладилась беседа,
Задушевный разговор,
Он попотчевал соседа
Папиросой «Беломор».
Согласились, что мороз-то
На дворе довольно лют,
И потребовали по сто
Через несколько минут.
Разобщаться в этом рое
Обстановка не велит, —
Там, где двое, там и трое,
Там, где стопка, там и литр.
Всё вокруг повеселело,
Человека взял хмельёк,
Он дружков по ходу дела
Прибаутками развлёк,
Мол, не каждый день гулянка.
Развернулся молодец:
«Раз пошла такая пьянка,
Режь последний огурец!»
Те, заметив в мыслях сходство,
Завели беседу с ним
По вопросам производства
И по многим остальным.
Пониманием согреты,
Слово за слово, друзья
Извлекли на свет секреты,
Раз компания своя.

Двое всласть напировались,
Разом вывалились в снег,
Друг за друга подержались
И пошли...

А человек
Огляделся воровато,
Не закончив, видно, дел,
Позвонил из автомата
И

мгновенно
отрезвел.

Вот он в «бьюике» несётся,
Где меха и скользкий лак,
Где над фарами трясётся
Чужеземный пёстрый флаг.
В тихой комнате секреты
Пропускает через фильтр,
Ночь сидит

и сигареты
Курит марки «Честерфильд».
Он берёт для руководства
Факты, пойманные им,
По вопросам производства
И по многим остальным.
Забирает без урона
Все детали на учёт,
Чтобы утром сдать патрону
Обстоятельный отчёт...
Рад, что всех его приёмов
Не поймёт иной простак,
Он ведь только для приёмов
Облачается во фрак,
А ко всем делам секретным
Подбирается тайком
В полушубке неприметном
И с рублёвым пирожком...

РУКОВОДСТВО В АНТРАКТАХ

Обычное «Суд идёт!» было произнесено шёпотом. Судья Александр Иванович Мухин на цыпочках вошёл в зал заседаний, лично удостоверился, плотно ли занавешены окна, и, заняв своё место за судейским столом, приступил к разбору дел.

На всей процедуре судебного разбирательства лежала печать таинственности. Вполголоса произносил свои речи прокурор. Свистящим шёпотом давали показания свидетели и обвиняемые, пугливо оглядываясь на дверь. Даже председательский колокольчик, обёрнутый материей, звучал глухо.

Разбор дел завершился незадолго до первых петухов. Выходя на улицу, Мухин опасливо осмотрелся, поднял воротник, наклонил на глаза шапку, перелез через забор и обомлел: навстречу ему вдоль изгороди украдкой двигалась какая-то фигура.

По блеску форменных пуговиц судья узнал начальника районной конторы связи тов. Зыкова и облегчённо вздохнул:

— Напугали вы меня, Геннадий Иванович. Я уж думал, тётушка Дыкун подбирается, хочет поймать меня на месте... службы и потащить на расправу в райком. Что поделаешь, рискуя схватить выговор! По ночам, тайком от районного начальства дела разбираю. Днём-то ведь я в колхозе... уполномоченным... В суде я, можно сказать, в качестве дезертира обретаюсь.

Зыков сочувственно вздохнул:

— Что ж, брат, поделаешь! У меня у самого душа в пятках... Неровён час, заметят, что и я по ночам конторой руковожу, нарушаю обязательство о невыезде из колхоза. Да ведь не прекращать же доставку писем и газет!

Мелькнула ещё одна тень. Зыков и Мухин притаились. Мимо них прошла уборщица Каневского райкома партии тов. Дыкун. Ей районное начальство поручает ловить на «месте службы» самовольно выезжающих по ночам из колхозов руководителей каневских учреждений.

...Не только в эту ночь и не только в Каневском районе Киевщины бродят по дорогам понурые фигуры уполномоченных. Сотни людей из всех 53 районных центров области командированы на длительные сроки в колхозы с заданием уничтожить свекловичного долгоносика, сеять яровые или озимые, повышать удои, убирать и молотить хлеб, выкапывать свёклу, картофель, подкармливать посевы... И, как правило, люди эти очень мало разбираются в сельском хозяйстве: у них совсем другие специальности.

Ходит такой уполномоченный по стопам председателя колхоза и приговаривает:

— Вывози, братец, свёклу!.. Давай нажимай на молотьбу!..

Существует правило: разбирать дела в течение десяти дней по поступлении их в суд. Но как может соблюдать это правило чернобыльский судья тов. Моргун, если он большую часть своего рабочего времени проводит в колхозах?

В васьковской средней школе № 1 то и дело срываются уроки географии: преподаватель этого предмета, он же директор школы, И. З. Победа пребывает в селе Пески уполномоченным по всем видам сельскохозяйственных кампаний.

Начальник Ново-Шепеличской конторы связи тов. Протасевич не руководил вверенным ему учреждением в течение месяца. Руководители гребенковской и иванковской контор связи провели в колхозах на правах уполномоченных около трети прошлого года. А каневский нотариус тов. Крамар держал свою контору на замке что-то около 50 дней. И всё по той же причине...

Кроме районных уполномоченных, имеются ещё и областные. На «Победах» и «газиках» едут они в Фастов, Ржищев, Обухов, Кагарлык и другие районные центры, густо заселяя гостиницы и помогая выполнять план главным образом районным чайным.

Не в пример районному, областной уполномоченный ни за кем не ходит. Он обычно вызывает к себе и даёт руководящие указания примерно в таком стиле:

— Давайте, братцы!.. Нажмите, голубчики!

Шумно в такие периоды на междугородных переговорах пунктах. Областные уполномоченные руководят по телефону своими киевскими учреждениями: утверждают сметы, распределяют оборудование, предлагают выслать самолётом документы на подпись...

Раз десять — пятнадцать в году «обезглавливаются» областные учреждения Киевщины. В общей сложности 136 дней за год пробыл уполномоченным в районах заведующий облместпромом тов. Чеканов. Тринадцать раз выезжал по сельскохозяйственным делам в районы бывший заведующий облторготделом тов. Литвиненко. Десятки руководителей других областных организаций и учреждений тоже не раз побывали в уполномоченных. Много десятков тысяч рублей израсходовали они при этом на «суточные», на «квартирные», на разъезды, на телеграфные и телефонные указания из районов в область.

Если вам нужно решить какой-нибудь вопрос в Киевском облплане, в областном управлении сберегательных касс, облпотребсоюзе или других организациях, — поторопитесь: весна, как говорится, не за горами. Руководители учреждений выедут на места, и тогда — пиши пропало...

П. ФИЛИМОНОВ

г. Киев.

Рис. В. КОНОВАЛОВА.

НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ

— Товарищ председатель, в соседнем колхозе уже подготовились к севу.
— Вот и хорошо! Значит, опять будут нам помогать...

ОТДАЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ

Управляющий трестом Кукушкин уже два часа ходил взад и вперед по ковровым дорожкам своего просторного кабинета. Его невысокая, упитанная фигура то мелькала в зеркальных стёклах красивого книжного шкафа, то дробилась в полированных спинках стульев и кресел.

«Что же такое придумать?» — не раз спрашивал он себя, и выпуклый лоб его рассекала глубокая морщина. Иногда она исчезала, на угрюмом лице появлялась даже улыбка, но после некоторого раздумья гасла, и он бормотал:

— Наивно. Глупо. Отставить!

Стенные часы монотонно и корректно напомнили о времени.

— Уже семь, — беспомощно произнёс Кукушкин. — Во всём виноват этот проклятый отдалённый объект.

Вдруг управляющий встрепнулся и с изумлением воскликнул:

— Ну как это меня раньше не осенило?! — И, энергично нажав кнопку звонка, приказал секретарше вызвать начальника отдела Колышева. — Всё сделаю под сладким соусом. Комар носа не подточит.

Через минуту в кабинет вошёл начальник отдела Колышев.

— Как здоровье, дорогой? — приветливо встретил его управляющий.

— Благодарю, не жалуюсь, — ответил тот.

— Как самочувствие супруги? Слышал я, ожидаете прибавления семейства.

— Ждём, ждём, Сергей Семёнович! — радостно ответил будущий отец, и на его широком лице разлился румянец.

— Семья, она, знаете ли, дело такое, ответственность налагает. Новые чувства, новые обязанности. То и сё. Появится это у вас сыночек. Маленький такой, хвалиться будет заслугами своего папаша. Вырастет — своими заслугами прославится.

— Что вы, Сергей Семёнович, какие у меня заслуги!

— Вы ещё молоды, Колышев, дерзать вам надо. Под лежачий камень вода не течёт. Да. В ваши годы и я был орлом. Где трудности, там и я. Ночи, бывало, не сплю, всё о делах думаю. Не сразу мне, товарищ Колышев, это место досталось. Долгий, нелёгкий путь до него прошёл. И вот достиг. А всё потому, что не боялся трудностей! Преодолевал!

— К чему вы это, Сергей Семёнович? — удивлённо спросил Колышев, опуская серые глаза, будто стараясь скрыть какую-то случайно мелькнувшую мысль.

— ...А вот теперь сдаю. Моторчик подработался. Шалит! — Кукушкин с глубоким вздохом приложил правую руку к сердцу. — Вчера после собрания так схватило меня! Ну, думаю, конец. Не выдерживает мой моторчик. Поизносился...

— Право, я не хотел вас обидеть, — начал Колышев. — Я, Сергей Семёнович, в интересах дела... о неполадках на отдалённом объекте...

— Разве не понимаю? — перебил его управляющий. — Интересы государства должны быть превыше всего. Кто же этого не понимает! Нет, не думайте. На вашу критику я ни капельки не обиделся, хотя вы, конечно, не совсем и не во всём правы. Слушать критику кому же приятно! Какие-то у неё, знаете, зубы ядовитые, так и впиваются в душу, так и впиваются... А у меня ещё и сердце работает с переборами, и ему критика нелегко достаётся. Замучает... Вы вчера хоть резко выступали, но справедливо. Вот я вас и пригласил побеседовать. Как нам, товарищ Колышев, вытащить этот отдалённый объект из прорыва? Посоветуйте. Хватка у вас хорошая, кругозор широкий. Молодость, ах, молодость! — На лбу Кукушкина разгладилась морщинка, а на её месте сверкнул блик от люстры.

— Право, не знаю, но мне кажется... — начал неуверенно Колышев.

— Смелее, смелее! — одобрил его управляющий.

— Мне кажется, там прежде всего надо заставить бесперебойно работать машины, — предложил Колышев.

— Закрутить их так, чтоб все колёса, шестерёнки во всю мощь завертели. Начал ты правильно. Молодчага! — похвалил своего подчинённого управляющий, записывая что-то в блокнот. — Дальше что предлагаете?

— Необходимо создать стахановские школы, семинары, курсы, внедрять передовые методы труда. Например, цикличные участки.

Управляющий, отложив карандаш и блокнот, одобрительно покачивал головой:

— Так, так... Совершенно правильно...

Кукушкин встал с кресла, обошёл свой большой морёного дуба стол и, усевшись на стуле против Колышева, с удивлением произнёс:

— Да ведь у вас, дорогой мой, кругозор большого руководителя!

— Что это вы вдруг, Сергей Семёнович? — смутился Колышев.

— Я не вдруг. Не вдруг, — говорил управляющий. — Давно к вам приглядывался, боялся похвалой вас испортить. Теперь окончательно убедился: зазнайство чуждо вам. Кругозор, горизонты

у вас. А там, на отдалённом объекте, мямля сидит какая-то. А я за эту мямлю в ответе. И правильно. Так мне, либералу, и надо! Недосмотрел во-время. Не обеспечил. Вот теперь за свою доброту и расплачиваюсь. Посоветуйте, дорогой, кем бы его заменить.

В кабинете наступило молчание. Управляющий смотрел, как свет от лампы и люстры играл на бронзовых крышечках чернильниц. Взгляд Колышева застыл на стакане крепкого чая, стоявшем перед управляющим трестом.

— А что, товарищ Колышев, как вы на это смотрите? Не поехать ли вам на этот объект? А?.. — прервал молчание Кукушкин, барабанив пальцами по столу. — Кому же и выправить, помочь? Отстаёт ведь этот объект!

Взгляд Колышева мгновенно оторвался от стакана с чаем и остановился на сжатых губах управляющего.

— Ну что у вас за работа в тресте? — продолжал Сергей Семёнович. — Канцелярия! Писанина! А там вы окунётесь в настоящий производственный котёл, в самую гущу! Разве это не захватывает вас, дорогой товарищ Колышев?

— Я бы не возражал, — ответил молодой человек, — но моя жена, Сергей Семёнович...

— Не стыдно ли вам, дорогой мой! Мы что же, бесчувственные, бессердечные? Да мы к ней в больницу всем коллективом придём. Цветы, букеты, шоколадный набор... «На зубок» сыну лыжи подарим.

— Я бы и сам, Сергей Семёнович, хотел на него в первый день его жизни взглянуть!

— А мы вас телеграммой вызовем.

— За пять тысяч километров?!

Управляющий задумался, и глубокая морщина снова начала рассекать его лоб, но, не дойдя до своей настоящей глубины, разгладилась. Края пухлых губ Кукушкина потянулись к ушам, и он с улыбкой предложил:

— Возьмите её с собой!

— Но ведь она в таком состоянии... Нет... Я не отказываюсь, Сергей Семёнович...

— Всё понятно! — с раздражением прервал его Кукушкин. — Советчики мы хорошие. Критиковать умеем. А как до дела доходит, когда государственные интересы...

Колышев вскочил. Лицо его побледнело. Серые глаза блеснули холодным блеском.

Кукушкин пошевелил плечами и вкрадчиво произнёс:

— Ну, ну, успокойтесь, дорогой! Я пошутил.

— А зачем шутить, Сергей Семёнович? В кусты я прятаться не люблю и государственные интересы ниже своих никогда не ставил. Еду!

— Вот это настоящий разговор! — обрадовался управляющий и схватил руку Колышева. — Спасибо! Выручил. Я надеюсь только на вас. Моё мнение о вас самое лучшее. Поймите, дорогой, вам нужен масштаб. Такие, знаете ли, горизонты: широкие, просторные, голубые. Тьфу, чёрт, в лирику даже ударился! И притом не беспокойтесь, товарищ Колышев, вы ведь туда отправитесь всего на несколько месяцев. И года не пройдёт, как мы вас отсюда вытащим. Вытащим и повысим. Только уговор: действуйте смело, решительно, самостоятельно. Покажите себя! А мы вытащим, повысим, отметим.

— Я не карьерист.

— Э, дорогой мой, все мы так о себе думаем! Слишком уж мы скромничаем. Расти всем надо! Какой же смысл на одном месте топтаться? Ну, а что касается объекта, надеюсь, вы приведёте его к финишу первым.

— Постараюсь, товарищ управляющий!

— Вот и договорились. Да, вот ещё что. Супруга твоя временно задержится. Так ты ей передай: пусть в любое время заходит, не стесняется. Что понадобится, — пожалуйста, с дорогой душой навстречу ей пойдём. Можешь не сомневаться, позаботимся и о твоей крошке. — И управляющий трестом проводил его до двери. Закрыв дверь, Кукушкин одёрнул пиджак, крикнул и, подойдя к телефону, набрал номер.

— Алло, Стёпа! Это ты? Привет! — весело крикнул он в трубку. — Всё! Точка! Место для тебя готово. Подробности? Заходи, всё узнаешь!

Положив трубку, Кукушкин устало развалился в кресле и закрыл глаза. Из состояния полного покоя его вывел телефонный звонок. Он лениво протянул руку к телефону.

— Ну, слушаю. Кто? — Глаза Кукушкина вдруг округлились, он вскочил. — Слушаю вас, товарищ заместитель министра. Да. Совершенно верно. Дела на отдалённом объекте далеко не прекрасны. Но я уже принял необходимые меры: посылаю туда очень дельного товарища. Что? Не понял, товарищ заместитель министра. Вы считаете, что будет лучше для дела, если я сам поеду на некоторое время на этот объект? — Кукушкин привалился к столу, нижняя губа его задрглась. — Но ведь у меня здесь семья, квартира, дети учатся! Как же мне быть, товарищ заместитель министра? Я ведь подобрал, обеспечил... Он дал согласие, выезжает... У него все качества: и хватка и размах... И вдруг так неожиданно, сразу... Я об этом и не думал... Хорошо, я сейчас к вам приеду, товарищ заместитель министра. Хотя я должен сказать...

Разговор оборвался. В это время в дверях появился Колышев.

— Ну, чего вам ещё? — мрачно процедил Кукушкин.

— Извините, Сергей Семёнович, я забыл спросить у вас, кому дела передать...

— Э... — болезненно поморщился управляющий трестом, — не до вас тут, не до ваших дел!

Конь в Фокусе

— А главное, чтобы каждый конь был в фокусе! В самом что ни на есть хорошем фокусе!

Таковыми словами напутствовал своих подчинённых Пётр Захарович Даниленков, руководитель Управления коневодства Калининского областного управления сельского хозяйства.

Главный зоотехник управления Василий Сергеевич Цветов, в свою очередь, порекомендовал, кому именно из лучших мастеров фотоискусства следует дать задание, и пожелал своим коллегам успехов.

И началось! Вооружившись «лейками», фотографы под началом зоотехников выехали в колхозы и двинулись в конюшни, где ещё усерднее, чем обычно, конюхи чистили своих питомцев, обряжали их в сверкающую сбрую.

Придя в конюшню, председатель новоторжского колхоза имени Будённого Николай Иванович Максимов предупредил городских гостей об одном:

— Будьте, пожалуйста, поосторожнее: кони-то у нас дикие!

— Как так? Разве они не племенные?

— Племенные, лучших кровей! Резвые кони. Но... одичали,— сокрушённо вздыхает заведующий коневодческой фермой Иван Макарович Кабанов.— Вот уж сколько лет, как от хомута отвыкают. Сушая беда!

Не без опаски приступили приезжие зоотехники к кропотливому изучению стати каждого коня. Их интересовало всё: и приметы коня, и густота его гривы, и длина хвоста. А сколько было разговоров о лошадиных предках до седьмого колена!

Иногда конюх Михаил Осипович Матюшев кротко намекал:

— Может, полюбопытствуете, на каких работах побывали кони? Верно, похвалиться не-

чем, но про Быстрого с Волгой можно кое-что сказать. Случается, навоз на них возим, правда, редко.

— Нет, такие сведения выставочному комитету не требуются,— коротко отвечали специалисты.

И, тем не менее, сведения об использовании конского тягла попали в выставочный комитет. Взглянули на них начальник управления коневодства и главный зоотехник, переглянулись и... насупились. Чего греха таить! Как в зеркале, увидели они самих себя, своё пренебрежение к коню. Увидели они и то, что с их доброго согласия много колхозов не пахнет лошадьми ни зябь, ни пар. Сеют зерновые тоже без участия живого тягла. А о льноводстве и говорить нечего. На всех главных работах не увидишь конной тяги.

Да что там районные примеры! То же самое утверждают и средние областные расчёты. В графе «Сделано тракторами» солидные цифры. В графе «Сделано живым тяглом» чаще всего нули да чёрточки.

— Да вы правильно ли подсчитывали? — угрюмо спросил тов. Даниленков работников планового отдела.— Машина машиной, но и коням работы много: вывозить навоз, минеральные удобрения доставлять... Ведь эти дела у нас почти не начаты.

Плановики развели руками. Статистика не врёт! На селе мощный технический прогресс, вот и решил кое-кто из руководителей дать лошадам отставку. В иных колхозах так крепко надеются на МТС, что и коней запрягать разучились.

Всё это Петру Захаровичу было отлично известно. Но он бодро воскликнул:

— Ладно! О том, как мы ценим коня, расскажет выставка!

И выставка рассказала. Старинный русский город Калинин никогда ещё не видывал такого богатого коневодческого праздника. Сколько было их — заботливо выхощенных лошадей самых различных пород, мастей и возрастов — на просторной усадьбе ипподрома! Куда ни глянешь, залюбуешься! Что ни конь, то красавец! Перебивая звонкое ржание, доносился зычный, самодовольный голос из репродуктора:

— По сравнению с 1945 годом количество породистых лошадей в Калининской области увеличилось на 217 процентов!

А сколько сверкало витрин с диаграммами об успехах и со снимками лучших табунов!

Областные руководители были до того восхищены увиденным, что забыли даже поинтересоваться, а какие же, собственно, работы выполняются на лошадях.

Только присутствующие на выставке механизаторы не без иронии рассказывали, что в верхневолжских колхозах коней превращают в простых потребителей кормов. Тех самых кормов, которые доставляются к конюшням тракторами.

Недавно, уже после праздника на ипподроме, столь же шумно и торжественно прошли коневодческие выставки в Вышнем Волочке, Кашине, Сонкове. На очереди организация праздника коневодства и в других районах. Выставочный азарт в самом разгаре. Уменьшить его не в силах даже наступившая весна.

Однако до сей поры никто из организаторов выставок, по существу, не задумался: а почему, собственно, на Верхневолжье стали признавать только моторы и сочили заторным труд на лошадях? И почему ни в одном районе не отремонтированы для полевых работ ни конные машины, ни конный инвентарь?

Вот так оно и получилось: коня в фокус взяли, а о том, чтобы разумно использовать его для пользы дела, не подумали. А ведь фокус-то именно в этом и заключается!

П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

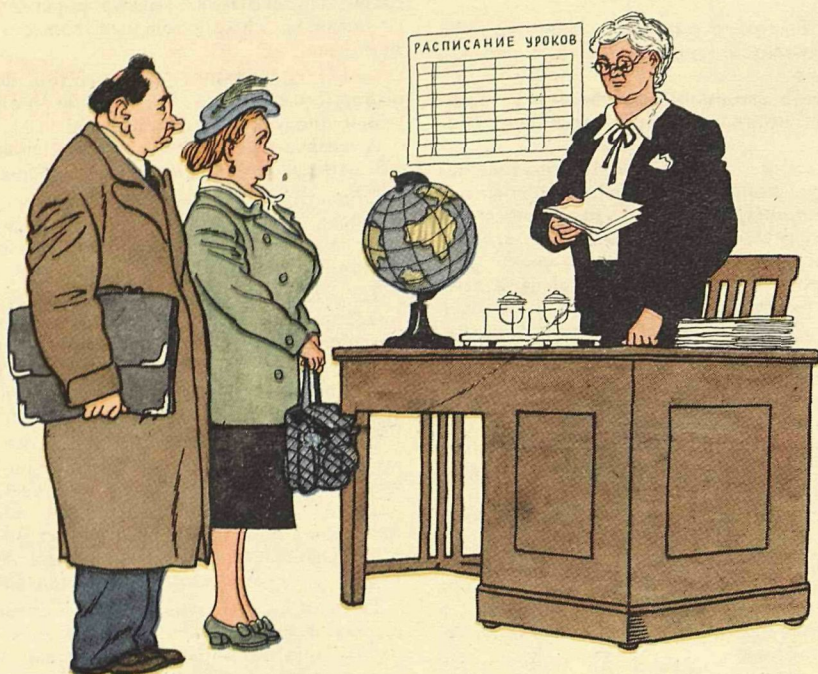
Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ.

— Александр Николаевич начал с Малого и стал великим!

Рис. Г. ВАЛКА.

ВЕСЕННИЕ ЭКЗАМЕНЫ

— Судя по тетрадкам вашего сына, вам следует подтянуться по математике и физике, а самое главное — по поведению: не делайте уроков за сына!

ЗАДАЧА НА ПРОЦЕНТЫ

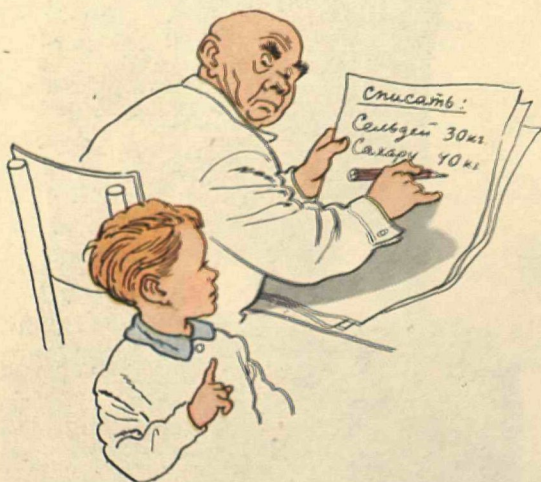

По устному — хорошо.

По письменной работе — плохо.

В СЕМЬЕ ЗАВМАГА

— Папа, разве можно списывать! У нас в школе за это наказывают...

Провалился по сочинению.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

ПРОФУНДАЛИ В ЛИМНОИДЕ

(Из автореферата диссертации доцента А. В. Казанского, представленной на соискание учёной степени доктора сельскохозяйственных наук. Тема диссертации — «Возрастные изменения почв и луговых угодий озёрно-речной поймы в пустынных эндогенных водосборах Казахстана»).

«Разделив регулярные озёра поймы на типы по характеру связи их с рекой, получим всего пять таких стадий:

а) стадия эпизодического водоёма, б) стадия лимноид... с эпистазным режимом половодья, в) стадия проэулимния в озёрах с метастазным режимом половодья, котловины которых ещё полуоткрыты... и затопляются неподвижной водой, г) стадия эулимния в озёрах с метастазным режимом половодья... д) стадия вторичных лиманов...

В понижениях с эпистазным режимом половодья аллохтонных наносов нет (есть только наносы автохтонного происхождения на профундали лимноидов)...

Дальше следуют абзацы, переполненные ещё более туманными терминами:

«Первый (то есть донный аллювий. — *Ред.*) откладывается... равномерно по всем бентали понижений. Толщина наноса... меньше супралитораля, больше на профундали)...

По гранулометрическому составу он одинаков с наносами аллювирующими лимноидов.

«Разделим их (то есть сукцессии супралитораля растительности. — *Ред.*) на подсерии сукцессий эпистазной супралитораля и метастазной...»

Вся эта тарабарщина легко переводится на обыкновенный русский язык. «Эндогенный» — значит бессточный, «эпистазис» — переполнение русла, «лимноид» — озеро, «сукцессия» — заболачивание луга, «профундаль» — глубокая часть водоёма, и так далее...

Что же побудило А. В. Казанского напустить такого густого тумана в своём высокоучёном труде? Из каких источников выудил он все эти «сукцессии» и «профундали»?

На этот вопрос с готовностью отвечает сам диссертант. На десятой странице своего автореферата он признаётся: «Я... воспользовался схемами сечения озёрной бентали на зоны у граничных лимнологов».

Вот, оказывается, почему труд А. В. Казанского страдает эпистазом, то бишь переполнением всякими заумными терминами!

КАК НИ СТРАННО, НО...

...на базе Каховского райпотребсоюза Херсонской области прижилась весьма прожорливая кошка. С благословения председателя райпотребсоюза тов. Козлова на её содержание за 9 месяцев было отпущено 675 рублей. Сколько мышей уничтожила кошка при такой обеспеченности, неизвестно. Но, если судить по рыночным ценам, она съела уже трёх овец. Во всяком случае, не кошка, так её попечители!

★ ★ ★

...народный судья 3-го участка Сыктывкара (Коми АССР) для решения дела о взыскании 90 рублей потребовал приезда представителя заинтересованной организации из Измаила (Украинская ССР).

— Вот случай прокатиться на Север! — размышляли измайльцы. — Но кто оплатит командировку, стоимость которой не в один десяток раз превысит взыскиваемую сумму? Может быть, предъявить иск судье?

В РАЗГАР СОБРАНИЯ

Кладовщица Шатрова, молчаливая женщина с постным лицом и манерами святоши, оказалась матёрой растратчицей. Это неожиданное открытие потрясло работников торгового Орджоникидзевского района города Молотова.

— Неужто Шатрова польстилась? — изумился директор торгового тов. Назаров.

— Да, не утерпела.

— И много она утащила продуктов?

— На сто девяносто одну тысячу рублей!

— О люди, люди! — простонал тов. Назаров. — Кто вас разберёт-поймёт? На вид постница, тихоня, а как дьявольски коварна и хитра!

Объективности ради следует отметить, что Шатрова, ворюя продукты, не проявляла дьявольской хитрости. Уголовные деяния кладовщицы были лишены воровской фантазии. Её жадность была равна её глупости, и изобличить преступницу не стоило бы большого труда. Но директор торгового Назаров, как и его предшественники, не утруждал себя проверками и ревизиями. То и дело он произносил трогательные речи-проповеди, в которых призывал материально ответственных лиц не поддаваться соблазнам. Однако пастырское красноречие не оказывало должного воздействия на грешников. Вот почему очень скоро в кабинете директора произошёл следующий разговор:

— Опять неприятность! В чайной № 2 согрели!

— И много украли?

— Двести шестьдесят одну тысячу рублей!

Директор с лёгким стоном схватился за сердце и произнёс пылкий монолог о совести, честности и стяжателях. Он предал анафеме воров и пригрозил навеки отлучить их от столовых, чайных и товаропроводящей сети.

Всё пошло бы по-старому, если бы Молотовский горком партии наконец не оценил речей директора. Горком решил, что назаровское красноречие дороговато обходится государству, и наложил на златоуста партийное взыскание. Вскоре его и вовсе сняли с работы.

Все решили, что для Орджоникидзевского торгового наступили новые времена. Не разоблачённые ещё воры и растратчики пребывали в страхе и трепете. По ночам они изучали Уголовный кодекс и сущили сухари. Они готовили себя к ревизиям и судебным бурям. Среди них шли слухи, что новый директор торгового Мицкевич покалялся не успокоиться до тех пор, пока он не освободится от последнего растратчика.

Спустя несколько месяцев после этих знаменательных событий мы приехали в город Молотов и посетили чайную, где недавно орудовала кладовщица Шатрова. Какие здесь произошли перемены? Что за люди работают сейчас в чайной? Первым, кого довелось нам увидеть, был молодой, но уже видавший виды растратчик Бацунин.

— Заходите, заходите! — радушно пригласил он нас.

— Что вы здесь делаете, Бацунин? — удивился начальник городского управления местными торговыми Тимашов. — Насколько мне известно, вы уволены.

— Да, уволен, — подтвердил Бацунин. — Зашёл по старой памяти. А вот и Василий Степанович идёт!

В комнату вошёл директор чайной тов. Кычкин.

— Ну, что у вас нового? — спросили мы после взаимных приветствий. — Растраты есть? Дело Шатровой научило бдительно?

— А как же! Бдительность, конечно, повысилась. Неизмеримо. Вот, скажем, после

Шатровой была у нас кладовщица Дробинина. У неё обнаружилась недостача только на пятьсот рублей. Как видите, определённое понижение. После неё работал Зырянов. Тот дал повышение — четыре тысячи рублей. Зырянова сменил Бацунин. Обнаружили порчу продуктов. Сняли. Заступил Филиппов. Тут опять пошло на повышение. Точно сумму не скажу, следственные органы выяснят, но, по моим подсчётам, он похитил продуктов на много тысяч рублей. Пригласили обратно Бацунина. Поработал он, пока не случилась неприятность с мукой...

— Что у вас случилось с мукой? — спрашиваем мы Бацунина.

— Продав два мешка, — застенчиво улыбаясь, говорит он.

— Кому?

— Гражданам. Приехали на лошади издалека. Не возвращаться же им порожняком!

— И в какое время продали-то! — говорит Кычкин. — В разгар нашего собрания по итогам 1952 года!

Мы отчётливо представляем себе эту необычную ситуацию. В чайной идёт собрание.

— А где у нас Бацунин? — интересуется председатель.

— Отсутствует по уважительной причине.

— Болеет?

— Воруёт.

Последней реплики, к сожалению, никто не подал. Ни один из ораторов, клеймивших Шатрову и призывавших к бдительности, не подозревал, что в это время за дверью кладовщик кладёт себе в карман деньги за похищенную и проданную им муку.

Мы покидаем чайную со смутными подозрениями, что новые времена ещё не наступили для Орджоникидзевского торгового. Неясные догадки постепенно пре-

вращаются в уверенность, когда мы знакомимся с делами торгового. Здесь снова возникает разговор о кладовщице.

— Да, зря мы доверились Бацунину, — говорит начальник торгового Мицкевич.

— Как же это получилось? — искренне удивляется сидящий здесь заведующий райторготделом Трапезников. — Ведь не скажешь, что у нас вовсе не было бдительности! Ей-ей, была! Не так давно ехали мы с председателем райисполкома мимо чайной. Глядим: Бацунин пьян, лыка не вяжет. Председатель даёт мне оперативное указание: «Езжай, Трапезников, в торговую. Поясни в порядке бдительности, что Бацунина надо снимать, пока он всю кладовую через горлышко бутылки не пропустил». Я пояснил. Бацунина уволили. А потом, выходит, опять приняли.

— М-да, есть ещё у нас сомнительные люди, — меланхолично замечает Мицкевич.

Сомнительные люди!.. Увы, их немало в Орджоникидзевском торговом. Одно в них не вызывает сомнения — их умение воровать. Сомнительные люди за 1952 год растратили свыше восьмисот тысяч рублей.

Нет, определённо в Орджоникидзевском торговом ещё не наступили новые времена. Слишком вольготно живётся там сомнительным людям. И это не слишком тревожит местные организации.

— Кадры торгового? Да мы туда направили несколько своих работников! — говорят в управлении местных торгов.

— И мы торговую укрепили кадрами, — сообщают в райкоме и горкоме.

Но кто же укрепляет торговую растратчиками? Чьими кадрами они являются? Ответ напрашивается сам собой:

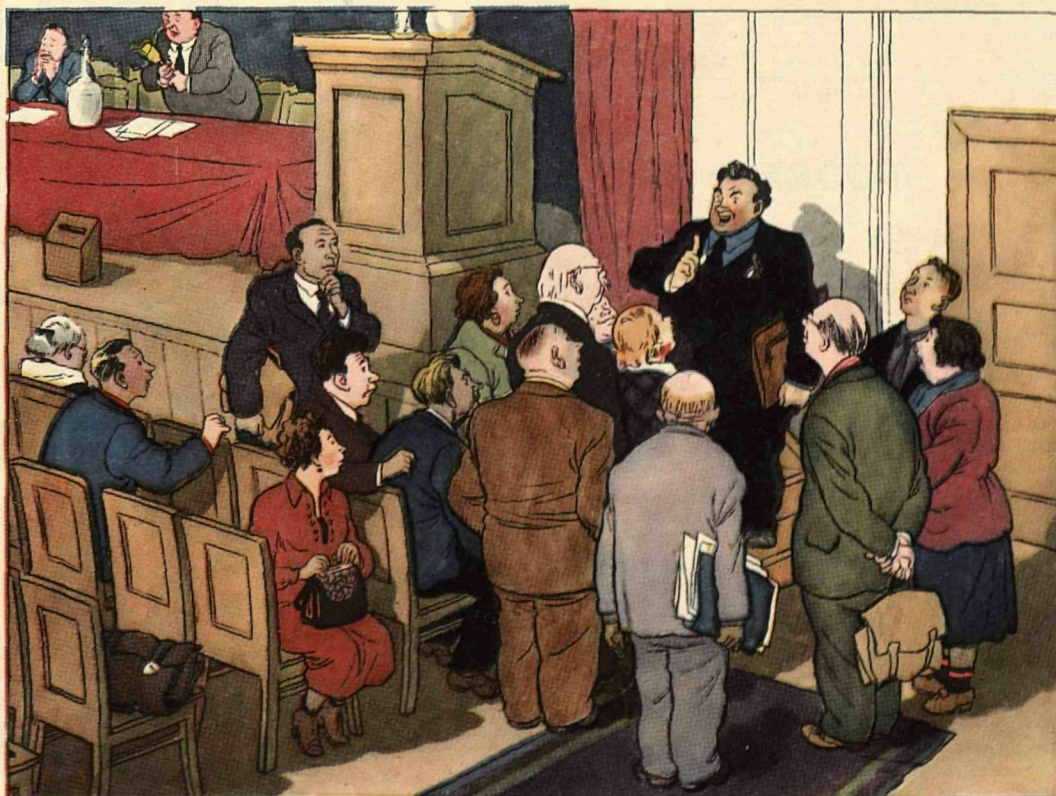
— Растратчики являются кадрами ротозеев.

С. ПУШКОВ

г. Молотов.

ПОСЛЕ ДОКЛАДА

Рис. Е. ЩЕГЛОВА.

— Итак, товарищи, критикуйте смело, невзирая на лица и на то, что у нас в учреждении предстоит сокращение штатов!..

ДОМОВЛАДЕЛЕЦ

Директор грозненского пищеторга Сергей Прокофьевич Киселёв метался в тоске и тревоге. Бледный, осунувшийся, он в тысячный раз задавал себе мучительный вопрос: «Что покупать?!»

У Киселёва, как на грех, образовался свободный капитал в несколько десятков тысяч рублей, и слухи о предстоящей денежной реформе не давали ему покоя.

Явился перед ним в этот момент Ноздрёв и предложил свою знаменитую шарманку — Киселёв впопыхах ухватился бы и за шарманку.

«Так что же купить? — беспокойно прикидывал он. — Рояль? Коров? Или лучше дом?»

Раздумывать было некогда, и Киселёв решил приобрести недвижимость, благо подвернулся случай: грозненский финотдел продавал дом на Партизанской улице.

Осмотреть заранее будущую свою собственность Киселёв не считал нужным: всё равно ведь в этом доме он жить не собирался. Главное, успеть бы заключить договор и внести деньги. А там... там будет видно.

Развернув бешеную деятельность, используя свои обширные связи и знакомства, Сергей Прокофьевич добился своего: 13 декабря 1947 года, за день до опубликования постановления о денежной реформе, он оформил договор и внёс деньги.

Но впопыхах счастливый домовладелец допустил оплошность: он упустил из виду, что купленный им дом населён жильцами и что эти жильцы имеют преимущественное право на покупку дома.

Узнав, что жильцы опротестовали договор через народный суд, Сергей Прокофьевич встревожился:

— Начнётся теперь волынка! Как это я не догадался загодя с ними договориться!..

И «волынка» действительно началась. Народный суд признал договор незаконным и обязал финотдел вернуть Киселёву внесённые им деньги, но вернуть одну десятую, по закону.

Сергей Прокофьевич немедленно обжаловал это невыгодное для него решение: сначала в судебную коллегия областного суда, а потом в судебную коллегия Верховного Суда РСФСР.

Тринадцать раз народный суд выносил решение: договор Киселёва на покупку дома незаконный и должен быть расторгнут. Тринадцать раз Сергей Прокофьевич кассационными жалобами добивался нового рассмотрения своего несправедливого дела. Его воодушевлял и поддерживал в этой затянувшейся на годы борьбе «одна, но пламенная страсть» — вернуть свои денежки, вернуть их полным рублём.

А вот какая страсть движет поступками членов судебных коллегий Грозненского областного и Верховного Суда РСФСР, понять невозможно.

Во имя чего, не жалея времени и средств, потеют в дебатах почтенные мужи юстиции? Во имя чего они тринадцать раз отменяют решения народного суда, не замечая, что волей или неволей идут на поводу у предприимчивого дельца?

Пожалуй, они и сами затруднятся ответить на данные вопросы. Недёшево обходится государству коммерческая операция грозненского домовладельца.

Н. ЛАРИН

СООБЩАЕМ АДРЕСА

НЕСООТВЕТСТВУЮЩИЙ АРТИКУЛ

Учитель кончил диктовать. Школьники аккуратно накладывают на исписанные страницы листочки белой бумаги, которыми предусмотрено снабжены тетради. Непредвиденно для себя они получают художественно размазанные узоры, а затем и... двойки.

— Почему вы нам ставите двойки? — спрашивают они учителя.

— А кому же их ставить за такую мазню?

— Ставьте дядям, которые вырабатывают непромокаемую промашку на

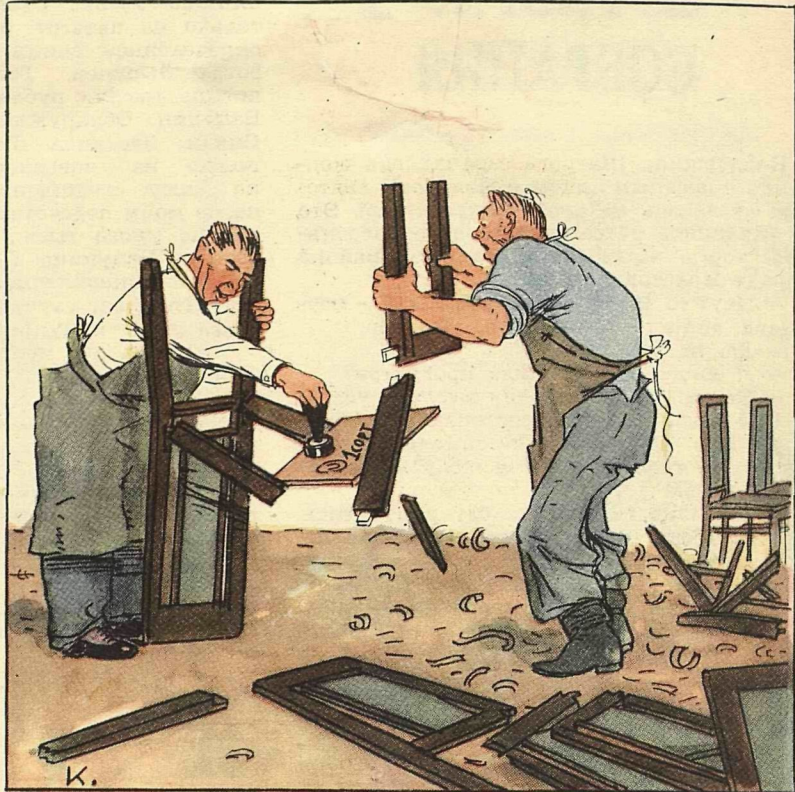
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФАБРИКЕ КАНЦЕЛЯРСКИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ,
улица Воинова, 26.

* * *

Почти в таком же положении оказываются иногда и взрослые работники учреждений, хотя им никто не грозит двойками. Как только они приложат к исписанной странице пресс-папье, сейчас же получается смаз. Эти пресс-папье заряжаются узкими полосками бумаги, на которых, к удивлению, очень удобно... писать, хотя этикетка на пачке таких листов и гласит:

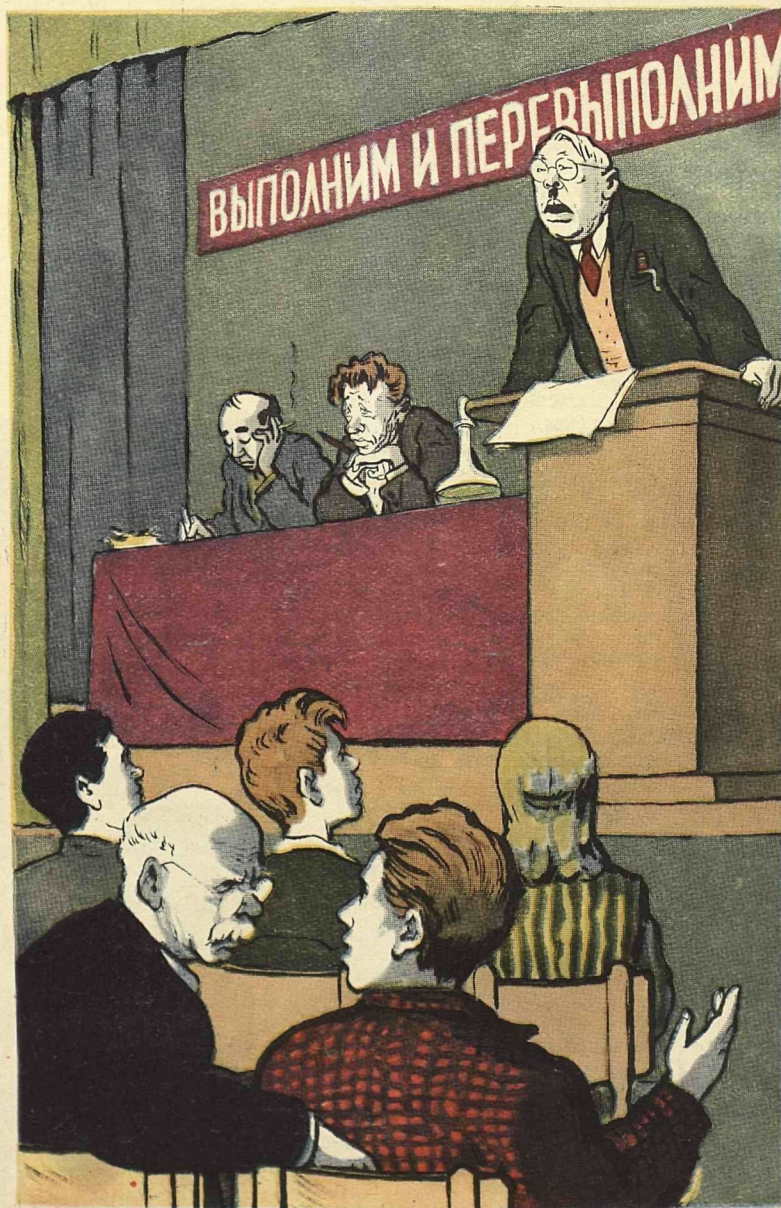
«Промокательная бумага
артикул 109-75
«Мосгорполиграфпром».
Полиграф. ф-ка 13».

Рис. А. КАНЕВСКОГО.

— Не ставь так сильно печатать, а то стулья разваливаются!..

Рис. Л. САМОЙЛОВА.

— Говорят, что ваш завод не выполняет план!
— Говорят...
— А какие меры принимает руководство?
— Говорит...

Рис. А. БАЖЕНОВА.

ПЕСЕНКА СПЕТА!

В популярной молодёжной песне поётся:

Можно быть очень важным учёным
И играть с пионером в лапту.

А можно работать в прокуратуре и, скажем, увлекаться пением. Так думал товарищ Шлыков, следователь прокуратуры Веселовского района, Новосибирской области. И не только думал, но и занимался в хоровом кружке!

Однако нашёлся человек, которому это не понравилось. Он вызвал Шлыкова в свой кабинет и сказал:

— Это что за песни? Ты кто: следователь или соловей с портфелем? Должность компрометируешь, честь мундира позоришь! Отставить песни!

А так как человек этот был сам секретарь райкома партии товарищ Липатников, то Шлыкову пришлось сказать: песенка спета!

«ПРЕКРАТИТЬ ВЕДЕНИЕ КЛЯУЗ...»

Лев Иванович Жидков, директор Берестовицкого пункта «Заготзерно», незаконно уволил сотрудницу Еремину. Гродненская контора «Облгагитзерно» предложила восстановить её на работе. Лев Иванович подчинился, но издал полный ехидства приказ:

«...Принять на работу во вверенный мне пункт уволенную по сокращению штатов ЕРЕМИНУ Капитолину Фроловну и допустить к исполнению обязанностей... только лишь с соблюдением Ереминой К. Ф. ниже следующих условий:

1. Прекратить ведение склок, кляуз на работников пункта;
2. Прекратить заниматься разложением трудовой дисциплины среди работников коллектива пункта;
3. Прекратить заниматься спекуляцией, прикрываемой больничными листками;
4. Не допускать прогулов под разными предлогами;
5. Строго соблюдать трудовую государственную дисциплину и честно относиться к выполнению возложенных обязанностей по службе».

Такова лишь часть условий Льва Ивановича. Любопытно знать, когда принимали на работу тов. Жидкова, выдвигали ли перед ним условие не писать в пылу административного восторга издевательских приказов?

ПОД СТУК КОЛЕС

В наступающем спортивном сезоне имеют все шансы выдвинуться волейбольные команды станций Филоново и Поворино, находящихся на границе Сталинградской и Юго-Восточной железных дорог.

Игра у них, правда, носит своеобразный характер. Вместо лёгкого кожаного мяча они кидают туда и обратно большегрузные вагоны.

Удар! И вот вагон перебрасывается со станции Филоново на станцию Поворино. Энергичным движением чемпион станции Поворино направляет вагон обратно на станцию Филоново.

Железнодорожные игроки достигли такой виртуозности, что вагон № 1634596 перешвыривался туда и обратно... восемь раз!

Таких вагонов-«мячей» у игривых железнодорожников немало, но этот, в данном случае «запрещённый приём» почему-то ускользает от строгого судейского ока...

НИ ТПРУ, НИ НУ

Без дуги в конной упряжке, как говорится, ни тпру, ни ну. Но это относится к доброкачественным дугам. Если же пользоваться дугами, выпускаемыми Гатчинской лесопромышленной артелью, всё равно получается ни тпру, ни ну.

Купят колхозники Ленинградской области в магазине гатчинскую дугу, запрягут коня, не успеют доехать до дома — тррах! — дуга лопается и разваливается на куски.

Конечно, лошади — существа бессловесные. Они своё мнение о качестве дуг, сделанных на гатчинский манер — из клеёной фанеры, — выражают лишь сердитыми взмахами хвоста. Другое дело — колхозные конюхи. Те, прямо сказать, не жалеют энергичных слов по адресу бракоделов.

Не беспокоят артельщиков упреками одни лишь руководители Гатчинского района. Почему — неизвестно. То ли они пользуются легковыми машинами, то ли благоразумно покупают дуги в соседних районах.

— Как прикажете красить: на временный, срочный или капитальный ремонт!

Вот как! И это только за месяц, пока я отсутствовал.

А парень тут же начинает меня агитировать, чтобы я поговорил с мастерами. Чтобы каждый из нас, стариков, взял на

После конца смены является парень. Вихрастые волосы гладко причёсаны, физиономия солидная. Заводит речь о ком-

плексном планировании. И тут я невольно вспоминаю, что в начале лета ездил он в Кошицы сдавать экзамены за среднюю школу.

— Ну, как, — спрашиваю, — сдал экзамены на аттестат зрелости?

— Сдал, дядя Йожо. Попотел с этим делом немало, но теперь всё позади.

— И теперь перед тобой открытая дорога?

— Нет, вот когда у меня в руках будет диплом, тогда другое дело.

— Диплом инженера? Да-а...

И вдруг, представьте, вижу я, что веснушчатым он был только весной, а теперь лицо у него загорелое, коричневато-бронзовое, пышущее здоровьем, а глаза ясные, с весёлыми искорками.

— Сколько лет тебе? — спрашиваю.

— Двадцать пять, дядя Йожо. А что?

— Вижу, хорошо ты устраиваешь свою жизнь, парень! Аттестат зрелости, диплом... А справишься ли с учёбой?

— При правильном планировании на всё времени хватит, — снова начинает он своё обычное хвастовство.

— И на любовь?

— И на любовь. Только надо, чтобы всё шло по порядку. Любовь у меня запланирована через год...

На другой день рассказывает мне Мариша, что вчера вечером она вместе с Яником была в соседнем селе. Культбригада у них. И там внук одного старика, какого-то Чонтоша, зазвал их к себе, чтобы они сагитировали старика вступить в кооператив. Целый час его обрабатывали. Ни в какую не поддаётся. Отказывается и всё поминает «доброе старое время». Ну, Яник наконец не выдержал. Вышел на кухню, повозился там с минутой, возвращается со старой керосиновой лампой и гасит электричество.

— Если вам так старина нравится, дядя Чонтош, то нечего и электричеством пользоваться! Нюхайте себе на здоровье этот вонючий керосин, он как раз оттуда, из этой старины.

— Ну и как, помог керосин? — спрашиваю дочку.

— Помог не столько керосин, сколько то, что Яник рассказал старику о своём прошлом и настоящем...

Да... А вы говорите. Вот вам и веснушчатый!

В понедельник сталкиваюсь с Яном в дверях заводской столовой. Вижу: несёт какой-то нарядный свёрток. «Эге, — думаю, — сейчас я тебе отплачу за «кулорт»!»

— Так ты что же, любишь, оказывается, кондитерские финтифлюшки?

— Тот, кому я их несу, любит, папаша!

«Кому же, — думаю, — интересно, тащит он эти гостинцы? Значит, любовь у него и в самом деле запланирована. Новый посёлок через год будет закончен, он, наверное, и квартиру себе уже присмотрел. А как же иначе? Стахановец ведь, ударник. Не успеешь оглянуться, как ему доверят целый производственный участок. Ну, соразмерно и жену выберет себе подходящую».

В конце смены, вижу, идёт Мариша. Идёт нарядная, горделивая, какая-то вся светящаяся. Кум Тона говорит:

— Смотри, как выфрантилась, точно на парад.

И вдруг сердце у меня так и ёкнуло. В руках у Мариши свёрток, тот самый, в нарядной обёртке, что Ян Варга из столовой нёс. Ай, старый дурень! Не видишь, что у тебя под носом делается?! «Ну, — думаю, — вечером возьму я в оборот девчонку, исповедуется она мне по всем правилам».

А говорю иное, други мои. И мысли иные у меня.

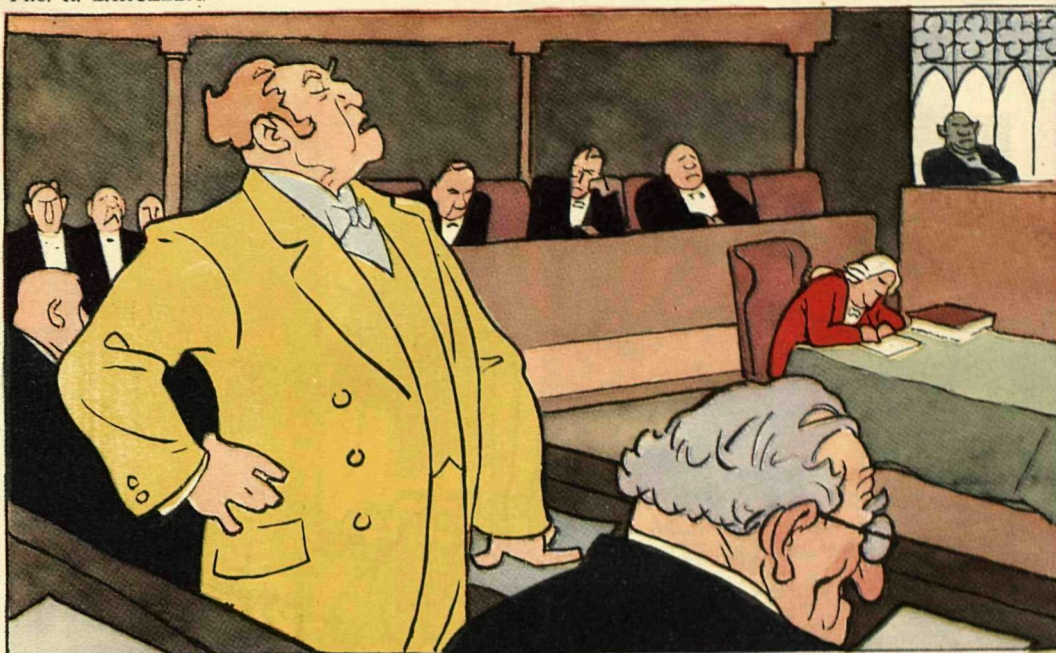
— Слушай-ка, Тона, — говорю куму, — а красивые будут у меня внучата! Загляденье! Такие же вихрастые, с веснушками, как этот...

Ясно?

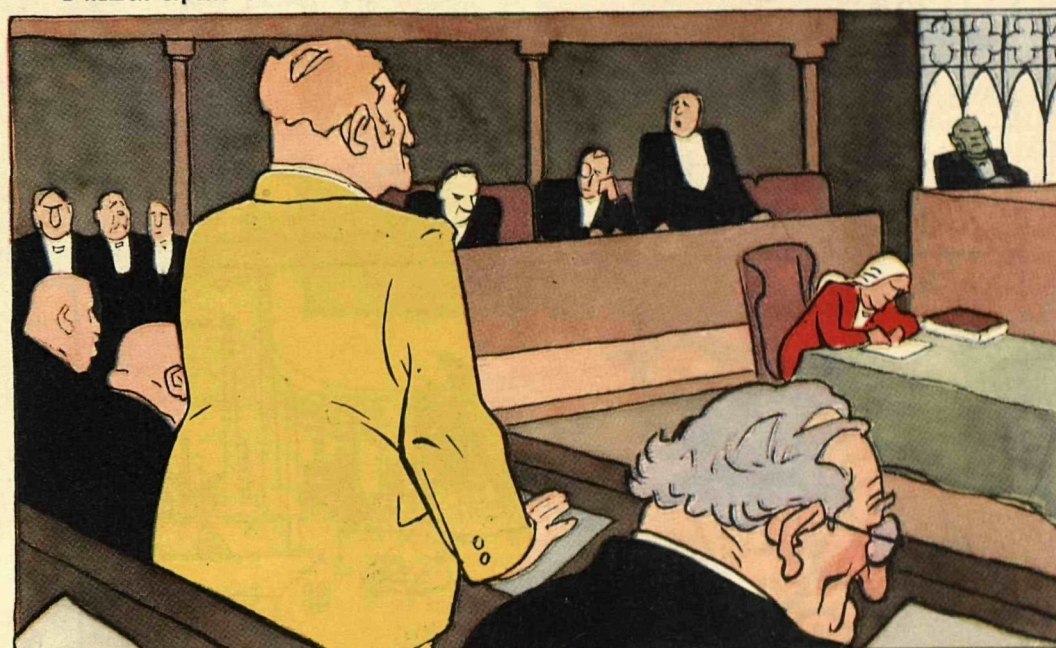
Перевод со словацкого из журнала «Рогач».

ПОЗИЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ОППОЗИЦИИ

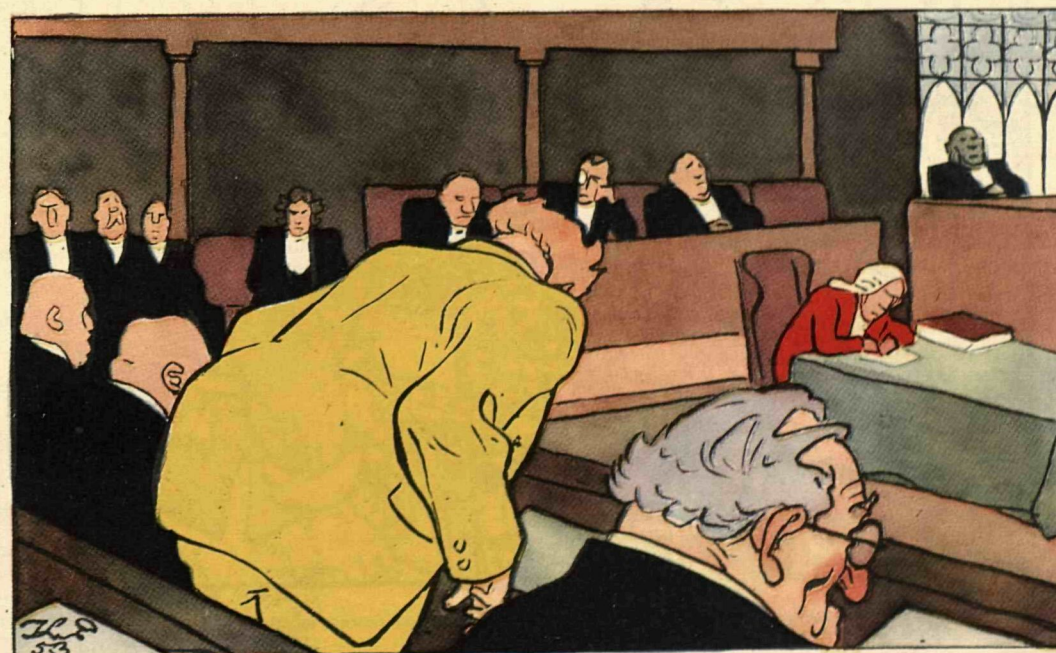
Рис. К. ЕЛИСЕЕВА.

— Известно ли высокочтимому правительству, что положение трудящихся в нашей стране очень тяжёлое!

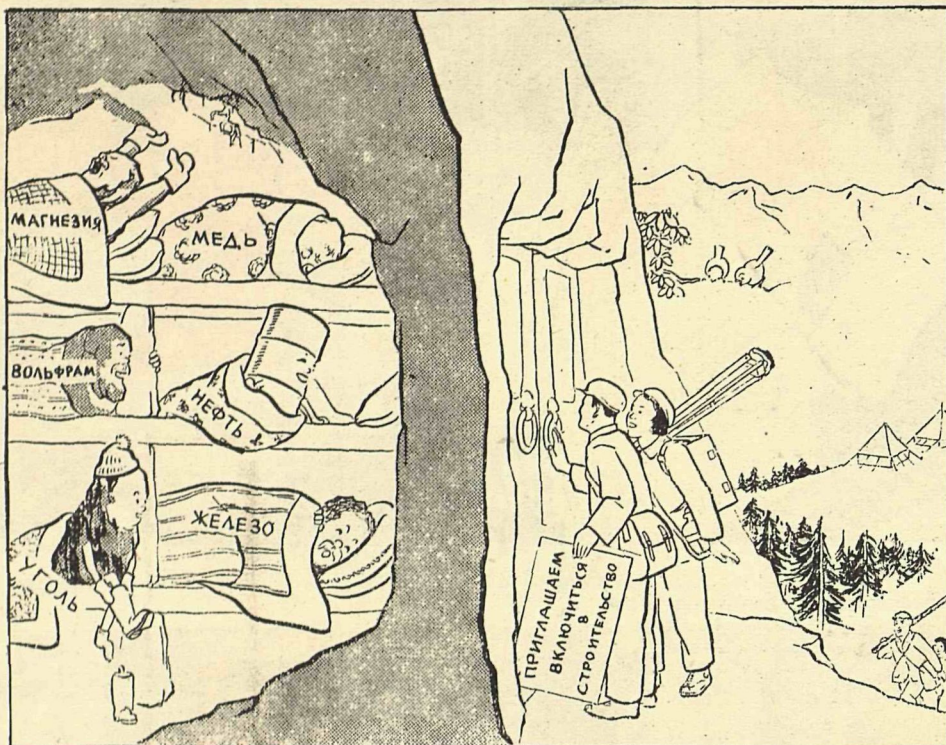
— Да, правительству это обстоятельство известно.

— В таком случае позвольте поблагодарить вас, господин министр, за исчерпывающие разъяснения по столь волнующему оппозицию вопросу.

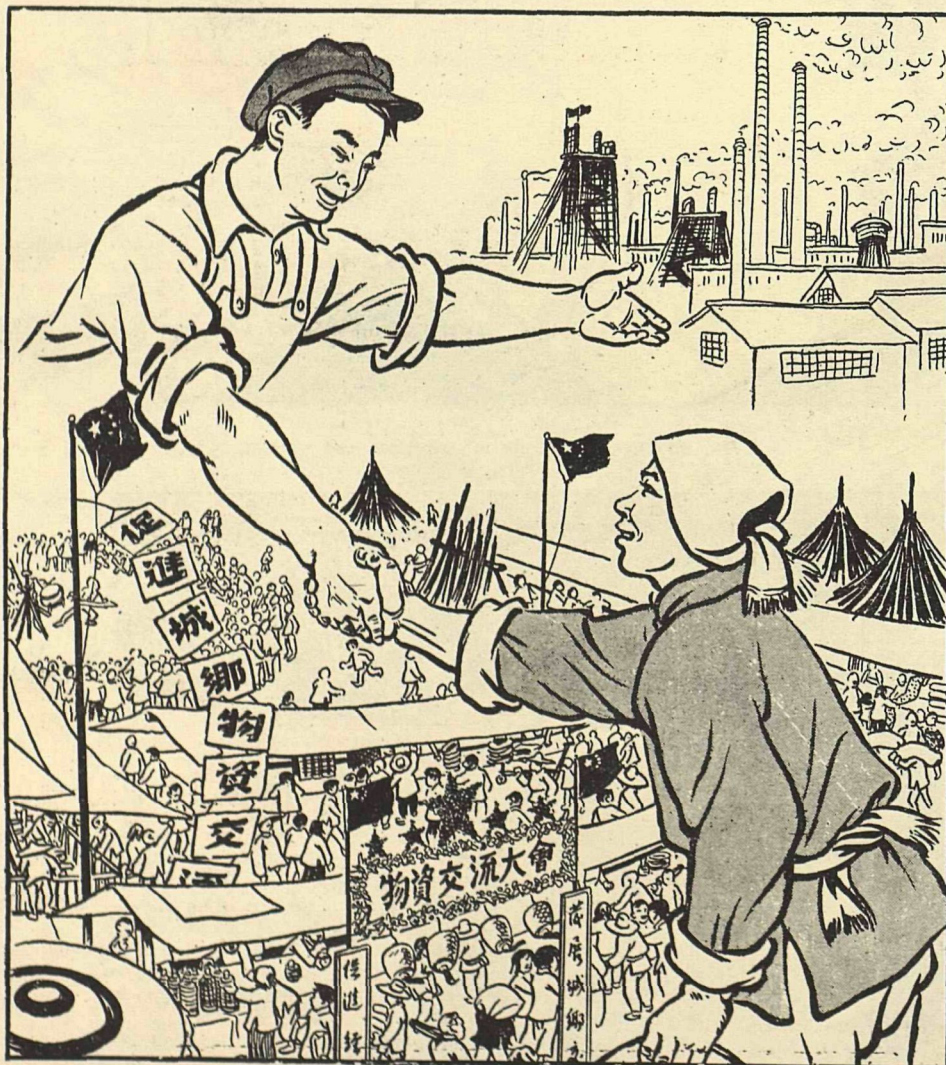
В НОВОМ КИТАЕ

Рис. Вей Чи-мея
из журнала «Народный Китай»

— Вставайте, лежебоки! Настоящий хозяин пришёл!

Рис. Ян Кэ-яня и Лян Цзя-цзяня
из журнала «Маньхуа»

Развивая товарообмен, способствуем экономическому процветанию.

Сергей СМЕРНОВ

ПОЕДИНОК

Памяти Ярослава Галана, украинского писателя-патриота, гневно разоблачавшего иезуитов в сутанах и зверски убитого прислужниками Ватикана.

Ты один.
Жена куда-то вышла.
У тебя рабочая пора.

Тишина,
и ничего не слышно,
Кроме скрипа острого пера,
Да шуршит бумага еле-еле
На широком письменном столе.

У тебя
на мысленном прицеле
Сам
«наместник бога
на земле».

Это он всечасно, неустанно
Замышляет тёмные дела.
Ладаном пропахшая сутана
Немощное тело облегла,
Тьма и лёд
в глазах пустых и старых.

Это он —
продажный пилигрим —
На своих
На сорока гектарах
Оскверняет
Древний город Рим.

Он — главарь шпионов-невидимок,
Он — иезуит и богослов...

Ты его,
его на поединок
Вызываешь гневной силой слов!

Вот звонок послышался в передней.
«Не жена ли?»
Нет... Как видно, нет:
Благовидный,
вкрадчивый,
Последний
Посетитель входит в кабинет.

Вслед за ним табачный дым клубится...
Ой, Галан, внимательней гляди!
Ты пойми:
перед тобой убийца,
Он топор припрятал на груди.

Как твоя сердечность неуместна!
Ты смеёшься,
Ты прищельцу рад.
А в ответ —
удар тяжеловесный,
И ещё,
И много раз подряд...

Стол засыпан смятыми листами.
Кровь твоя сквозь рукопись прошла.
Богослов —
иезуит в сутане —
Произвёл удар из-за угла.

Обернулся крест иезуита
Топором, сразившим Галана.

И хотя преступники раскрыты,
Не заглохла тайная война.
Бродит,
Рыщет чёрная орава,
За собою заметая след;
А в руках
бациллы да отравы
Или же дрожащий пистолет.
Это значит —
не обезоружен
Тот враждебный
Уходящий класс.

Нам не только
белый голубь
нужен,—
Нужен меч
И нужен острый глаз!

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ

Поздно вечером, когда директор районного промышленного комбината Яков Борисович Чуркин только что лёг спать, тревожно затрещал телефон. Вскочив с постели, Чуркин взял трубку. Звонил из областного центра его давний приятель.

Стоя на холодном полу босыми ногами, Яков Борисович слегка приплясывал и твердил: «Так-так... Ясно... Так-так...»

— Начальство ко мне нынче выехало, — сообщил он жене, прикрыв пухлой ладонью мембрану. — Не знаю только, зачем. Алло! А не знаешь, Вася, с какой целью? Что-то такое насчёт телег? Ага... ага... Ну, пока! До свидания.

Положив трубку, Яков Борисович озадаченно почесал лысину и сел на стул, жалобно заскрипевший под его тяжестью. Жена с беспокойством следила за ним с кровати.

— Кто приезжает-то? — спросила она.

— Сам начальник облместпрома Елагин. — Яков Борисович медленно закачал головой. — И я догадываюсь, зачем. Значит, они написали на меня жалобу.

— Кто они? — испуганно вырвалось у жены.

— Наши заказчики. В общем потребители.

— Чем же они недовольны?

— Качеством. Плоховато оно у нас. Я ещё вчера понял, что непременно будет жалоба. Представь себе: сижу я в своём кабинете вместе с секретарём райисполкома Кубаревым. Ну, калякаем о том, о сём... и вдруг вваливается ко мне Овчинников, председатель колхоза «Заря». Хотел было я попросить его из кабинета, а он обращается к Кубареву и говорит: «Прикажите этому бракоделу вернуть мне деньги обратно! Три с половиной тысячи колхозных денег отдал за повозку! Не успели домой доехать, как два колеса развалились. А в соседнем колхозе из трёх повозок только одна на ходу, остальные в сарае валяются».

— Опять неприятность! — вздохнула жена.

— Погоди ты вздыхать! Ну, вот, понимаешь, еле выпроводил я этого Овчинникова, смотрю, новый посетитель ломится — Лучков, из строительной бригады колхоза «Рассвет». Вошёл — и прямо меня за грудь: «Ты что же, такой-сякой, деньги берёшь за кирпич, а что подсовываешь? Из твоего кирпича кладовая вот-вот развалится! Каждая кирпичина трещины дала!»

А тут ещё, как на грех, влезает в кабинет третий посетитель, начальник пожарной команды, и давай меня пушить за купленные у нас обо-

ные бочки на ходах: и обручи с них послезали, и колёса рассыпались... Только спровадил его, четвёртый голову просовывает — шорник Матвей, — ругает меня на все корки за лямки для хомутов. А Кубарев ехидно ухмыляется:

«Гляди, Яков Борисович, как широкая масса твою работу оценивает».

Жена взволнованно вскочила с кровати:

— Конечно, это они! Задаст тебе Елагин по первое число!

— Ладно, давай спать! — проворчал Яков Борисович. — Утро вечера мудренее.

Но заснуть ему не удалось. Дело в том, что за Яковом Борисовичем был ещё один грешок. Посылая в область сведения, он в числе готовой продукции показывал десять недоделанных телег. Так что получилось даже немножко больше ста процентов. Телеги он намеревался доделать после. Но тут случился новый, более срочный заказ, и телеги так и остались без осей и колёс.

И вот теперь Елагин лично удостоверится, что Чуркин не только бракодел, но ещё и очковтиратель!

Проворочавшись с боку на бок, Яков Борисович, жёлтый и постаревший, утром поплёлся в свой райпромкомбинат.

У проходной будки он увидел забрызганную грязью легковую машину. Из неё вылезла грузная фигура в кожаном пальто и бурках. Яков Борисович сразу же узнал в ней начальника облместпрома Елагина.

Внутри у Чуркина защемило. Он испуганно покосился по сторонам: не видать ли где Овчинникова и Лучкова?

Обмякший, полный самых мрачных предчувствий, он двинулся к проходной. Елагин, увидев его, быстро пошёл навстречу.

— Поздравляю, от души поздравляю с выполнением плана! — начальник долго тряс руку Якову Борисовичу. — Особенно хорошо, что вы с телегами вытянули. А ну-ка, зайдём на минутку к вам в кабинет!

Взяв под руку Чуркина, начальник бодро шагнул по двору райпромкомбината и оживлённо говорил:

— Своими телегами вы меня, по правде сказать, здорово выручили. Ох, и влетело же мне за них на заседании бюро обкома! Да и то сказать: за дело. В районах действительно нельзя простой телеги купить. Я вам новое задание по телегам привёз.

— Цеха желаете осмотреть? — спросил насторожённо Чуркин.

— Что вы! Я и так в соседнем районе задержался! А мне нынче обязательно дома надо быть.

У Якова Борисовича окончательно отлегло от сердца.

Д. ПОТВОРОВ

г. Клинцы,
Брянской области.

КЛЯКСА

В тот день я звонил из телефонной будки и записывал адрес. А когда я вышел, мне сказали:

— Гражданин, вы посадили кляксу!

В ужасе оглядел себя. На нежносером, как беличий мех, отвороте нового пиджака нагло темнела фиолетовая клякса! В смутении я выхватил платок и вытер; клякса размазалась.

— А ты, дяденька, слизни! Мы в школе всегда так делаем!

Передо мной стоял загорелый мальчик с портфелем; честные серые глаза смотрели с сочувствием. Я колебался.

— Давай, дяденька, я слизну! — И мальчик мгновенно зажал портфель между колен.

— Не надо! Я сам...

Вы никогда не пробовали лизать отворот собственного пиджака? Я чуть не свихнул шею, пока догадался, что нужно пиджак расстегнуть и приподнять. Во рту запахло химией, пришлось поскорее сплюнуть. Клякса размазалась ещё больше.

— Взрослый как будто бы человек, голова почти вся седая, а слушается мальчишек! — укоризненно сказала женщина с кошёлкой. — Что вы, кошка, чтобы себя облизывать?

Теперь меня окружала толпа, и все соболезновали мне. Советовали: разрезать сырую картошку и сейчас же приложить; засыпать кляксу солью; подложить с оборота промокашку и капать на кляксу спиртом; тереть её свежим мякишем, но только белым! А какая-то старушка в чёрной кружевной косынке сварливо сказала:

— Ткачи работали, портные работали; сделали, голубчики, хорошую вещь, а дурак враз испортил! Рогожу бы носить тебе...

Наконец ко мне протиснулся милиционер и строго сказал:

— Чем устраивать панику, шли бы вы, гражданин, в химчистку! Вот за углом.

За углом действительно оказалась вывеска: «Химчистка и крашение».

Окрылённый надеждами, я бодро вступил в полутёмную комнату с зеркалом, прилавком и чинно расставленными стульями.

— Скажите... — взволнованно начал я и понял, что поступаю невежливо.

По ту сторону прилавка оживлённо разговаривали две девушки в синих халатах: чёрная и беленькая. Время от времени они скользили по мне невидящим взглядом. Я постоял. Кашлянул. Сказал «здравствуйте». Ещё кашлянул. Чихнул. Потом сел. Что было делать? Моя судьба находилась в нежных руках этих девушек. Я не смел быть навязчивым. Наконец я нарочно уронил стул. Девушки обернулись.

— Вам что? — сурово спросила блондинка.

— Видите ли, у меня есть небольшое чернильное пятнышко...

— Чернильных пятен не выводим!

Мне показалось, что я требую ваксу в кондитерской.

— Но как же так?.. Вы же химчистка!

Девушка ответила скороговоркой, как школьница заученную басню:

— Мы выводим пятна от стеарина, масла, маргарина и других соусов, а также окрашиваем верхнее платье в различные цвета...

В следующей химчистке пожилая женщина читала книгу. Она не подняла глаз, только спросила скучным голосом:

— Что принесли?

Сбиваясь и торопясь, я рассказал историю кляксы. Она слушала, не перебивая. Наконец я иссяк.

— Каким жиром сделано пятно? — спросила женщина таким же скучным голосом.

— Почему жиром? Я же рассказываю: черни-ла-ми!

— Чернильных пятен не выводим...

В химчистке на Ленинградском шоссе мне сказали:

— Чернильных пятен не снимаем!.. Куда обратиться? Да что ж обращаться? Нигде не снимут. Разве какой-нибудь частник!

На улице Горького ответили:

— Принять можем.

А когда я затрепетал от радости, добавили:

— Только пятно останется. Побледнеет, но останется.

И, тронутые моим убитым видом, посоветовали:

— Попробуйте обратиться на Каляевскую. Там есть один мастер, может быть, он возьмётся. Впрочем, он, кажется, в отпуску.

В Столешниковом переулке любезно объяснили, что готовы принять пиджак, но считают своим долгом предупредить, чтоб после не было жалоб и претензий: пятно сильно поблекнет, а вокруг него появятся разводы.

— Ну, знаете, такие цветные ободочки!

— А нельзя, чтоб без этих, как их, разводов? — робко спросил я.

На меня посмотрели как-то сочувственно и странно:

— Вам же объясняют, гражданин: будут разводы!

К троллейбусным остановкам я теперь бежал привычной рысцой. Терпеливо стоял в очередях возле киосков «Мосгорсправки». За неделю по-

бывал на Арбате, в Спартаковском переулке, на Ярославском шоссе, Садовой-Черногрязской, Второй Мещанской, в Кривоколенном переулке... Везде отвечали роковой фразой: «Чернильных пятен не выводим!»

Напрасно я говорил, что взрослые москвичи обоёго пола, не считая школьников, ежедневно ставят на платье, наверное, не меньше двадцати—двадцати пяти тысяч клякс. А если принять во внимание школьников, то эту цифру придётся увеличить вдесятеро, ибо один мальчик школьного возраста способен поставить на свой костюм до семнадцати клякс различной величины.

Я осунулся и почернел. Наконец, не помню уже, где это было, ласковая седая приёмщица сжалась надо мной! Она открыла дверь в соседнюю комнату и спросила:

— Трифонцы, где у нас выводят чернильные пятна? Где?

— Коровий вал, тридцать... Только мастерская закрыта на ремонт. Что с вами? Да вы садьте, садьте...

Когда я пришёл в себя, она ласково сказала:

— Вы, гражданин, не переживайте! Купите в бакалее уксусной эссенции, намочите ватку и потрите. Клякса исчезнет. Всего и дела-то! Ну вот, нашли за что благодарить!

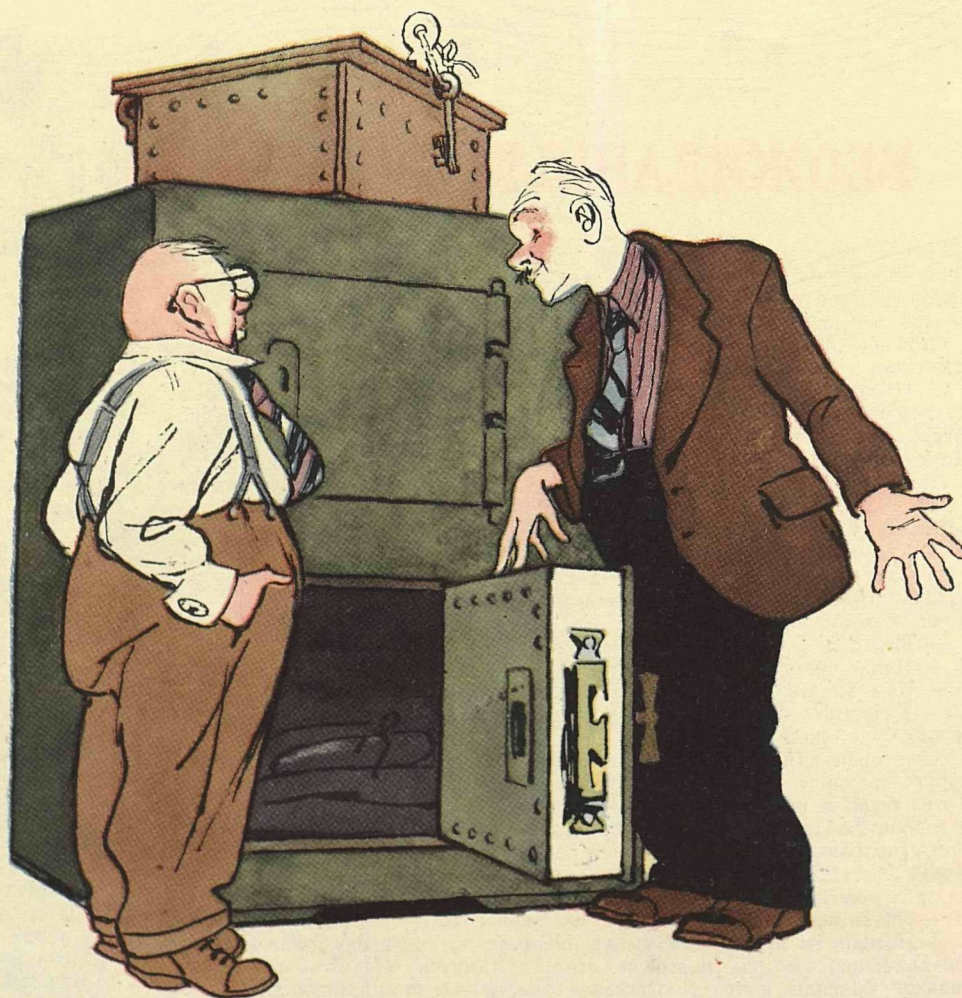
Кажется, я поцеловал её руку. И стояло!

Я сделал, как она сказала. Клякса исчезла.

Вот смотрите: отворот пиджака снова чист, снова милого, нежного, незапятнанного цвета беличьей шкурки. Правда, я обжёг эссенцией три пальца и не могу писать. Но в следующий раз куплю в аптеке пинцет или стану держать ватку кончиками ножниц. И ещё маленькое неудобство: пиджак упрямо пахнет маринованными грибами. Впрочем, это пустяки...

И только одно остаётся непонятным: почему нельзя пузырёк эссенции, вату и пинцет держать в каждой мастерской химчистки?

Рис. Е. ГОРОХОВА.

— Пётр Петрович, дорогой! Дай мне несгораемый ящик — кое-какие документы спрятать. На время, конечно: пока не пройдёт эта кампания по борьбе за бдительность...

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Когда у меня родился сын, все сослуживцы радовались вместе со мной и оказывали мне всяческие знаки внимания.

Но особенно внимательным оказался тов. Гречухин, начальник конторы связи, в которой я работаю. Уж он и не знал, как принять меня, куда посадить!

А сажать и впрямь было некуда. Пока я была в декретном отпуске, на моё место в бухгалтерию приняли нового человека.

И всё же райком партии, куда я обратилась за помощью, предложил тов. Гречухину найти мне местечко.

Подумал он, подумал и нашёл мне работу в другом отделе, но очень странную: помогать у кого дела много.

— Не место красит человека, а человек место,— поучительно заявил он при этом.

Не кажется ли тебе, дорогой Крокодил, что подобными поступками тов. Гречухин отнюдь не украшает того места, которое сам занимает?

О. ГЕРАЩЕНКО

с. Черниговка,
Запорожской области.

Дорогой Крокодил!

Замечательную яму для золы получила неожиданно-негаданно наша городская столовая № 2.

— Эка достопримечательность!— воскликнешь ты.— Стоит ли говорить о какой-то яме?

Стоит, дорогой Крокодил! Эта яма не дёшево стоит. Два года назад её копали как котлован под фундамент нового корпуса нашего института.

Мы, студенты, поначалу радовались. Но когда экскаваторы отшумели и ушли, наши оптимистические надежды угасли. Вырытый котлован был заброшен строителями. Вскоре работники столовой № 2 приспособились сыпать туда золу и теперь поминают добрым словом Министерство высшего образования. Да и как не помянуть, когда эта высокая инстанция ради удобства столовой не остановилась перед затратой в 80 тысяч рублей!

А. ТАНАНИН,

студент Сибирского металлургического института.
г. Сталинск.

Товарищ Крокодил!

Что есть ученье?

Руководители предприятий и учреждений, в которых работают учащиеся нашей вечерней школы, в один голос ответят: «Ученье — свет! Учащимся надо создавать усло...»

Но на этом многие из них и зачнутся. Едва дело доходит до создания условий, как обнаруживается, что у них «ум с сердцем не в ладу».

Председатель артели «Индпошив» тов. Хонуков назначает ученицу 8-го класса Сергееву на работу во вторую смену, а уроки рекомендует «списывать у подруг».

Руководители городского радиоузла считают перерывы в учёбе явлением не вредным и посылают ученика 9-го класса Путькова на полмесяца в командировку. А директор Великолукского торгового училища 10-го класса Ботова.

Только за полугодие в результате такой «заботы» руководителей учащиеся пропустили 836 учебных дней.

Как видишь, дорогой Крокодил, из-за тов. Хонукова, Ильина и им подобных и ученье имеет теневые стороны.

В. ЛЕВИЦКИЙ,

председатель старосты школы
рабочей молодёжи № 1.

г. Великие Луки.

Дорогой Крокодил!

Если ты встретишь в нашем городе автомашину скорой помощи, из которой выйдет мужчина в полном здравии, не удивляйся: это не кто иной, как заведующий областным отделом тов. Аникин. Он закрепит машину скорой помощи за эпидемиологической станцией. Одновременно тов. Аникин сам прикрепится к этой машине, которую использует для личных разъездов.

Не можешь ли ты, товарищ Крокодил, срочно помочь и открыть тов. Аникину от машины скорой помощи?

Г. ФЕОФАНОВ

г. Усть-Каменогорск,
Восточно-Казахстанской области.

Уважаемый Крокодил!

Спроси у руководителей Казанского жиркомбината имени Вахитова, для какой цели они выпускают продукцию под названием «свечи парафиновые гражданские». Поставишь такое изделие на стол — любо глянуть: свеча! Попробуешь добиться от неё пламени, вспышки или хотя бы шипения — бесполезно!

Дорогой Крокодил! Явно по ошибке послали к нам эти парафиновые слитки. Возможно, они хороши при электрическом свете, как украшение письменного стола директора жиркомбината, а у нас электричества нет, нам нужны свечи как свечи: горючие, не декоративные!

И. ПОПОВ

Хабаровский край,
мыс Шмидта.

РЫБАКИ И СУДАКИ

В один из солнечных дней середины марта звонит мне один приятель:

— Не хочешь ли, принесу тебе судачка?

— Как не хотеть!.. Да ты откуда говоришь?

— Из магазина.

— И почём же там судак?

Назвал мне приятель очень сходную цену.

— Неси штучки три — четыре! — кричу в телефон. — А то и весь пяток!.. Дотащишь ли?

— Ничего, — говорит, — дотащу как-нибудь. А лещей нести?

— Ну, и лещей прихвати парочку.

Только наточил я ножи для разделки судаков, а приятель уже тут как тут и протягивает мне ладонь. Что это, думаю, ему в голову ударило хиромантией заниматься? Гляжу, на ладони какие-то крохотные создания лежат.

Вооружился я лупой. Достал с полки описание рыб старика Л. Сабанеева. Крутил, вертел рыбёшку, подсчитывал лучи в оперении и глоточные зубы.

— Трудновато, — говорю, — в таком молодом возрасте определить. Тут лупы недостаточно, нужен микроскоп. Можно допустить, что это всего только младший братишка леща, так называемая густера. Но и она достигает, если верить науке, килограмма веса. А сколько весят эти мальки?

— На двести граммов мне выдали ровно шестнадцать штук, — отвечал приятель.

— А эти судачки?.. Тут уж нет никакого сомнения, что это они, сердечные.

— Все четыре вместе весят девяносто шесть граммов, то есть меньше четверти фунта. По двадцать четыре грамма на брата. А у твоего Л. Сабанеева говорится, что судак вырастает до двадцати пяти фунтов — это десять килограммов и более!

— Так ты говоришь, где таких младенцев взял?

— Да я уж сказал: в магазине купил.

— А ну, посмотри мне в глаза! Никогда не поверю! Э-э, брат, да ты не браконьером ли заделался? Как же ты посмел?! Ведь государство призывает строго охранять рыбью молодь. Говори, разбойник, напрямик: где поймал рыбу?

Но он назвал мне магазин в Москве, на Большой Молчановке. Побежали мы туда. И верно: стоит бочка, набитая этими крошками. Называется «солёная мелочь». А продавщица над ней тоже охает. «Никогда, — говорит, — ещё не видела такого срама!»

Позвонили мы в инспекцию госрыбнадзора. Приехали оттуда сведущие люди. Проверили накладные Главрыбсбыта и установили, что эти судачки и прочая солёная мелочь присланы Рыбозаводом имени Крупской Волго-Каспийского госрыбтреста, что в Астрахани, а зовут директора завода тов. Колонтаров, Александр Викторович.

Хрис. ХЕРСОНСКИЙ

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАНОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКОВ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 12 до 17 часов.

Москва. Изд. № 310. Подписано к печати 3/IV 1953 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 02201. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 967. Тираж 350 000 экз.

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА.

НО ПРИГВОЖДЁННЫМ К ДЕЛУ ВЗГЛЯДОМ,
НЕ ОЗИРАЯСЯ КРУГОМ,
НЕДОСМОТРЕТЬ ЛЕГКО, ЧТО РЯДОМ
ПОЛЗЁТ, СМЕРТЕЛЬНЫМ ПОЛНЫЙ ЯДОМ,
ЗЛОЙ ГАД, ПОДОСЛАНЫЙ ВРАГОМ...

[Демьян Бедный «К ответу»].